

В. П. Алексеев

ФОРМИРОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ ЧАРЛЗА ДАРВИНА НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Посвящается 175-летию со дня рождения Дарвина и 125-летию выхода в свет его книги «Происхождение видов», в корне преобразовавшей биологическое мышление.

I

Выяснение взглядов Чарлза Дарвина на многие частные вопросы эволюции и этапы их формирования имеет не только узкоспециальный интерес. Его теория оказала такое влияние на всю биологию и смежные с биологией области естествознания, что в данном случае любые изыскания перерастают узкие рамки биографии ученого и перекликаются с разработкой общих проблем эволюционного учения. В 1950-х годах наши знания о жизни Дарвина значительно пополнились как документальными материалами, так и основанными на этих фактических данных исследованиями.

Прежде всего громадное значение имеет все то, что написано Дарвином о себе самом и что оставалось неопубликованным. Это «Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография)» и «Дневник, 1838—1881 годы»¹, отдельные автобиографические заметки, в основном о юности и молодых годах², и особенно важные для понимания взглядов и интересов молодого Дарвина записные книжки 1827—1838 гг.³. Представляют интерес и специальные биографические сочинения, посвященные университетским годам великого биолога⁴. Исключительно велики в этой области заслуги С. Л. Соболя, исчерпывающие по полноте исследования которого прояснили многие спорные и темные места как в биографии Дарвина, так и в истории его творчества⁵. В истории советской биологии деятельность С. Л. Соболя сыграв

¹ Дарвин Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). Дневник работы и жизни. М.: Изд-во АН СССР, 1957; The Autobiography of Charles Darwin. 1809—1882 (with original emissions restored)/Ed. with appendix and notes by his grand-daughter Barlow Nora. L., 1958. См. также: Дарвин Ч. Соч., Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 128—150; 166—242; 398—408; 413—439.

² Charles Darwin and the Voyage of the «Beagle» (unpublished letters and notebooks)/Ed. by Barlow N., L., 1945; Дарвин Ч. Путешествие на корабле «Бигль». Письма и записные книжки (по неопубликованным рукописям издала и комментировала Нора Барло). М.: Изд-во иностр. лит., 1949.

³ Asworth J. H. Charles Darwin as a Student in Edinburg, 1825—1827. Proceedings of the Royal Society of Edinburg, v. IV, p. II, 1935, p. 97—113; Дарвин Ч. Соч., т. 9, т. 3—70, 80—127, 369—370, 384—398.

⁴ Jespersen P. H. Charles Darwin and Robert Grant. Lychnos, 1948—1949, p. 159—167; Kerr J. Edinburg in the History of Zoological Science. The Advancement of Science, 1952, v. 9, № 33, p. 19—24.

⁵ Соболев С. Л. Эволюционная концепция Ч. Дарвина в период до его ознакомления с сочинением Мальтуса (по неопубликованной «Записной книжке» 1837—1838 гг.).— Зоол. журн., 1958, т. XXXVII, в. 5, с. 643—658; его же. Эволюционная концепция Чарлза Дарвина на первых этапах ее формирования.— Анналы биологии. Т. I. М., 1959, с. 13—34.

ла особую роль, так как прежде всего ему мы обязаны замечательными изданиями дарвиновских документов на русском языке, опередившими аналогичные издания в Англии⁶.

II

В Эдинбурге Дарвин интересовался больше всего энтомологией и зоологией морских беспозвоночных. Страсть к охоте наряду с чтением помогли приобрести ему также практические знания в области орнитологии. Ко времени пребывания в Кембридже относятся занятия ботаникой и геологией, интересу к которым Дарвин в основном обязан Дж. Генсло. Все это обусловило разносторонность познаний молодого натуралиста в различных отделах естественной истории и подготовило его к наблюдениям, которые были осуществлены во время кругосветного плавания на «Бигле».

Но среди этих сведений, по-видимому, отсутствовали сколько-нибудь систематические знания о том предмете, которому 40 лет спустя Дарвин посвятил целую книгу — об анатомии и физиологии человека, его месте в природе, его расах и их взаимоотношениях, предмете, по которому к тому времени уже была большая литература. Во всяком случае, ни в «Воспоминаниях», ни в других документах, относящихся к университетским годам, нет упоминания о сколько-нибудь основательных занятиях Дарвина биологией человека. Пожалуй, единственное исключение — посещение им лекций по анатомии человека в Эдинбурге, в результате которых он «проникся отвращением к этой науке»⁷. Об этом Дарвин, по его собственным свидетельствам, не переставал сожалеть всю жизнь. Сам он датирует возникновение своего интереса к человеку первыми годами после возвращения на родину из кругосветного путешествия, т. е. к тому периоду, когда составлялась «Первая записная книжка о трансмутации видов»⁸.

Однако вряд ли правильно буквально следовать в этом пункте за самим Дарвином. Его воспоминания отличаются полной правдивостью и почти безукоризненной точностью. Исключение составляют, пожалуй, лишь некоторые ошибки в датах, вполне естественные, когда прошлое восстанавливается через десятки лет. Но такие ошибки как раз и имеют для нас наибольшее значение. Во всяком случае, истоки наблюдений Дарвина над естественной историей человеческого рода можно отнести к более раннему периоду, чем 1837—1838 гг., и датировать их временем кругосветного путешествия. Нам представляется, что некоторые основания для такого вывода дает анализ ранних произведений Дарвина — «Дневника изысканий»⁹, «Путевого дневника»¹⁰ и «Записных книжек» 1832—1836 гг.¹¹.

В «Записных книжках» 1832—1836 гг. мало упоминаний о человеке. «Дневник изысканий» и «Путевой дневник» дают гораздо более богатый материал для суждения об антропологических и этнографических

⁶ *Соболь С. Л.* Новые материалы к биографии Ч. Дарвина.— В кн.: *Дарвин Ч.* Воспоминания о развитии моего ума..., с. 15—36; *его же.* Автобиографические материалы Чарльза Дарвина.— В кн.: *Дарвин Ч.* Соч., т. 9, с. IX—LVI.

⁷ *Дарвин Ч.* Воспоминания о развитии моего ума..., Соч., т. 9, с. 183. Дальше все ссылки на «Воспоминания» даются по этому изданию.

⁸ Вслед за С. Л. Соболев считаем возможным дать такое название записной книжке Дарвина, относящейся к 1837—1838 гг. (см.: *Соболь С. Л.* Примечания к первой записной книжке о трансмутации видов.— В кн.: *Дарвин Ч.* Соч., т. 9, с. 384). Достаточным основанием для этого является собственная запись Дарвина в «Дневнике» (см. там же, с. 131).

⁹ См. русский перевод: *Дарвин Ч.* Дневник изысканий по естественной истории и геологии стран, посещенных во время кругосветного плавания корабля ее величества «Бигль» под командой капитана королевского флота Фиц Роя.— Соч., т. 1. М.—Л.: Биомедгиз, 1935, с. 1—422, 567—594.

¹⁰ Charles Darwin *Diary of the Voyage of H. M. S. 'Beagle'*/Ed. by Barlow N. Cambridge, 1933; *Дарвин Ч.* Путевой дневник.— Соч., т. 1, с. 423—564, 594—600.

¹¹ *Дарвин Ч.* Записные книжки (1832—1836 гг.).— Соч., т. 9, с. 7—70, 371—380. Дальше все ссылки на «Записные книжки» будут даваться по этому изданию.

наблюдениях Дарвина. Во время своих многочисленных экскурсий на берег он несколько раз встречался с представителями местных племен и описал все эти встречи. Его интересуют приемы охоты и употребление бола, жилища, одежда, внешность. Отмечает он и некоторые черточки быта, когда удается заметить их за короткое время, проведенное с местным населением, и наиболее характерные верования и обряды.

Однако богатых живыми подробностями бытовых картин у Дарвина в общем немного, что объясняется не только кратковременностью его пребывания среди местного населения, но, по-видимому, некоторой расплывчатостью его интересов и представлений в области этнографии. Внимание Дарвина к человеку как к биологическому объекту, а также к истории и этнографии первобытных народов возникло очень рано, и оно проходит через все описание путешествия, но его этнографические наблюдения и заметки не обнаруживают тех больших и глубоких знаний, того умения выделить главное, которые отличают страницы, посвященные зоологии и геологии.

Нас больше всего интересуют те антропологические особенности представителей различных племен южноамериканских индейцев, на которые в первую очередь обратил внимание Дарвин. Он пишет о высоком росте и прекрасном сложении патагонцев и индейцев северных районов Аргентины, о низком росте большинства индейцев Чили. Последнее обстоятельство дает ему возможность сделать вывод о том, что низкорослость пришлого (испаноязычного) населения Чили свидетельствует о трех четвертях примеси индейской крови. Но Дарвина интересует не только рост и сложение, которые прежде всего бросаются в глаза. Об индейцах окрестностей Вальдивии, говорящих на разных диалектах арауканского языка, сказано: «Эти индейцы — прекрасно сложенные люди; выдающиеся скулы и общий вид их напоминают о великой американской семье народов, к которой они принадлежат; но лицо их, как мне казалось, несколько отличается от лиц всех других, виденных мною до того времени племен»¹². Эта же мысль повторена и в нескольких других местах. К сожалению, Дарвин не разъяснил, в чем состоит отмеченное им своеобразие. Но основное отличие американского, как теперь принято его называть, расового типа — выдающиеся скулы — указано правильно.

Кроме индейских племен Дарвин не упускал случая упомянуть и об антропологических признаках европейского населения Южной Америки. Многие из этих упоминаний содержат чисто эмоциональную оценку красоты встречавшихся Дарвину представителей белого населения и метисов. Но вместе с тем он описывает и собственно физические различия между разными этническими группами. Так, Дарвин не упустил из виду отличий в росте, телосложении и строении лица между португальскоязычным населением Бразилии и испаноязычными уругвайцами. Жители Монтевидео, по его мнению, выше ростом, чем жители Рио-де-Жанейро, и у них в целом сильнее выражены, как мы бы теперь сказали, особенности средиземноморской ветви европеоидной расы.

Параллельно с визуальными наблюдениями внешнего облика индейцев и белых в Южной Америке Дарвин собирал сведения об истории переселения отдельных племен, последовательности появления различных племен в областях со смешанным индейским и европейским населением, языковых взаимоотношениях и взаимопонимании носителей различных языков. Наиболее подробны страницы «Путевого дневника», посвященные индейцам Чили. Разумеется, сведения, сообщаемые Дарвином об отдельных диалектах арауканского языка, совершенно устарели, но примечательно само его внимание к этим вопросам.

Так, Дарвин подробно описывает случайные археологические находки и посещенные им развалины древних индейских поселений. Они

¹² Дарвин Ч. Дневник изысканий..., с. 251.

служат ему доказательством большой древности человека в Южной Америке. Искусно комбинируя очень фрагментарные данные с результатами своих обширных геологических исследований, Дарвин приходит к выводу об изменении климата на протяжении последних тысячелетий и о существовании интенсивных тектонических движений уже в историческое время. То, что остатки древних поселений обнаружены в ныне бесплодных районах, в которых нет воды, является для него веским аргументом в пользу того, что когда эти поселения были обитаемы, климат и природные условия в этих местах были другими. Признавая вслед за Ч. Лайеллем медленность изменения природной среды, Дарвин тем самым решительно высказывался в пользу гипотезы о том, что человек появился в Америке в глубокой древности. В настоящее время такое утверждение кажется настолько очевидным, что даже трудно представить себе, какую роль оно сыграло в годы, непосредственно следующие за выходом в свет «Основ геологии» Лайелля в 1830—1833 гг. Большое значение имел и способ доказательства вывода о древности появления человека в Америке, основанный на сопоставлении археологических и геологических материалов и много позже широко использованный в четвертичной геологии и первобытной археологии. Можно сказать, что и сейчас геологические данные играют первостепенную роль в выяснении путей и этапов формирования семейства гоминид, а археологический и палеоантропологический материал служит в ряде случаев важным стратиграфическим определителем.

Наблюдения над огнеземельцами занимают особое место в «Дневнике изысканий» по своей полноте (на Огненной Земле Дарвин провел три месяца) и позволяют составить представление и о сильных, и о слабых сторонах Дарвина как естествоиспытателя и мыслителя в те годы. Дарвин обратил внимание на разницу в одежде и устройстве жилищ между различными племенами острова, описал некоторые обычаи, заметил низкий уровень общественного развития, характерный для огнеземельцев по сравнению с индейскими племенами материка. Сообщая о внешности огнеземельцев, он приходит к выводу о том, что они «представляют собой любопытную смешанную расу»¹³ и что между отдельными племенами существуют заметные различия в росте и строении тела, подтвержденные, кстати сказать, последующими исследователями. Но, будучи внимательным наблюдателем, Дарвин, несмотря на весь свой гуманизм и уважение к индейцам и неграм (общезвестны страницы «Дневника изысканий», содержащие гневное осуждение рабства), тем не менее употребляет формулировки, низводящие огнеземельцев до положения низшей расы. В этом сказались ограниченность и противоречивость мировоззрения молодого Дарвина, отмеченные С. Л. Соболевым¹⁴.

Наблюдения над физическим типом населения посещенных мест Дарвин продолжал и после отъезда из Южной Америки. Он пишет о высоком росте и темном цвете кожи таитян, отмечая их большую стройность по сравнению с маори Новой Зеландии, о волосатости австралийцев, о благородной внешности индусов. Большинство посвященных этому мест в «Дневнике изысканий» и «Путевом дневнике» расшифровывают краткие записи в «Записных книжках», повторяя высказанные там мысли, но излагая их в более пространной форме.

Однако два места в «Путевом дневнике» заслуживают нашего особого внимания. Первое из них — морфологическая характеристика готтентотов. «Готтентоты.. выглядят, по-моему, как частично отбеленные негры; они небольшого роста, их голова и лицо имеют в высшей степени странную форму. Височные и скуловые кости так сильно выдаются вперед, что лицо их в профиль совершенно не видно человеку, между тем как с такого же положения часть лица европейца вполне видна.

¹³ Дарвин Ч. Путевой дневник, с. 513.

¹⁴ Соболев С. Л. Экспедиция Ч. Дарвина на корабле «Бигль». — В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 1, с. XLII—XLIV.

Волосы у них очень короткие и курчавые»¹⁵. В этих словах Дарвин практически исчерпал все основные морфологические особенности расового типа готтентотов, известные и в настоящее время, и одновременно указал на решающее отличие их от классических представителей негроидной расы, заключающееся в более светлом цвете кожи. По отношению к португальскому населению Азорских островов интуиция Дарвина сказалась в том, что он, встретившись с представителями темноглазой и темноволосой южной ветви европеоидной расы, заметил тем не менее исключительно высокий процент светловолосых и светлоглазых индивидуумов. Позже, при разворачивании антропологических исследований, это явление — посветление волос и особенно глаз в изолированных группах отмечалось неоднократно.

Итак, мы видим, что характеристики физического типа увиденных народов занимают гораздо большее место в «Дневнике изысканий» и «Путевом дневнике», чем в «Записных книжках». Кроме того, в них содержатся немногочисленные, но важные замечания более общего характера. Речь идет о роли человека в уничтожении многих вымерших видов, о конкуренции между первобытными племенами и о месте возникновения человечества. Первый вопрос появляется у Дарвина при рассмотрении причин вымирания в Южной Америке крупных млекопитающих, в частности мегатерия. Он отводит человеку не решающую, но вполне определенную роль в исчезновении ископаемых форм (еще один аргумент, подтверждающий мнение Дарвина о появлении человека в Америке в большой древности).

Замечание о конкуренции между различными племенами на первый взгляд переносит нас в атмосферу гораздо более поздних высказываний Дарвина, связанных уже с оформлением его эволюционной концепции. При желании в нем можно увидеть зародыш мысли о борьбе за существование и распространение действия борьбы за существование на человеческое общество. Однако подобная трактовка противоречила бы известным странникам его книги о происхождении человека, где показана недостаточность борьбы за существование и естественного отбора в качестве факторов выделения человека из животного мира.

Наконец, очень любопытна сделанная в «Путевом дневнике» запись Дарвина о прародине человечества: «Тропики являются как будто естественным местом зарождения человеческой расы; но совершенствование ума, равно как и многих его плодов, достигает, по-видимому, своего высшего предела в другом климате»¹⁶. Эта мысль перекликается с обстоятельно аргументированным в 1871 г. представлением об Африке как прародине человечества, основанием для чего послужили, как известно, наибольшая близость африканских антропоморфных к человеку и благоприятные географические условия африканского материка.

Подведем некоторые итоги. Опубликованный текст «Дневника изысканий» Дарвин писал после возвращения в Англию в 1837 г. и поэтому, строго говоря, его не следует рассматривать как мысли и впечатления Дарвина во время путешествия. Но и заметки в «Записных книжках» и «Путевом дневнике», как мы убедились, дают достаточный материал для суждения о его антропологических интересах. Наряду с описанием физических особенностей местных племен встречаются отдельные замечания, говорящие о том, что Дарвин уже тогда задумывался над общими проблемами становления человеческого рода. В его размышлениях уже можно видеть зародыши некоторых будущих идей, развитых в книге «Происхождение человека и половой отбор». Кроме того, это время сыграло особую роль в жизни Дарвина, так как он имел возможность увидеть большое число первобытных народов в естественной обстановке, что обогатило его громадным запасом не-

¹⁵ Дарвин Ч. Путевой дневник, с. 556—557.

¹⁶ Дарвин Ч. Путевой дневник, с. 466—467.

книжных знаний и способствовало выработке таких представлений в области антропологии и этнографии, которые в значительной мере были основаны на собственных наблюдениях.

III

Записная книжка 1837—1838 гг. была, как известно, опубликована Фрэнсисом Дарвином в кратких извлечениях¹⁷. обстоятельный анализ содержания этих кратких отрывков был произведен А. Д. Некрасовым, рассмотревшим их под углом зрения формирования эволюционных представлений Дарвина¹⁸. Этот анализ показал, что «Записная книжка» 1837—1838 г. содержит высказывания, исключительно важные для понимания истоков мыслей Дарвина по самым разным проблемам эволюционного учения.

Ее первая полная публикация была осуществлена С. Л. Соболев на русском языке по фотоконпии, полученной из библиотеки Кембриджского университета¹⁹. Он же произвел и первый анализ содержащихся в этой записной книжке высказываний Дарвина по вопросам эволюции²⁰. Этот анализ демонстрирует громадную важность изучения названного сочинения для понимания истории формирования мировоззрения Дарвина. Одновременно с этим «Записная книжка» проливает свет и на обстоятельства подготовки труда 1871 г. о происхождении человека. Содержащиеся в ней заметки, как пишет сам Дарвин, делались без какой-либо определенной цели, но они в совокупности составляют довольно подробный и широкий план исследования вопроса о происхождении человека. Это как бы второй этап в его взглядах на человека, когда от довольно еще не отчетливых эволюционных идей времени путешествия он перешел к разработке и аргументации в основных чертах уже намеченной теории и включил человека в общую систему своих представлений о развитии органического мира. Все последующие «Записные книжки» Дарвина имеют несопоставимо меньшее значение для освещения интересующей нас темы, так как они относятся к более позднему времени.

Прежде всего Дарвина интересуют ископаемые формы, близкие к человеку. Это заключение можно сделать на основании упоминаний о докладе Жоффруа Сент-Илера, посвященном найденному в 1837 г. Э. Ларте примату. Речь идет о первой в истории палеонтологии находке ископаемого антропоида, который, по мнению большинства современных авторитетов, стоит у основания ветви, ведущей к ныне живущим антропоморфным. Дарвин вслед за Сент-Илером справедливо полагал, что плиопитек родствен человекообразным обезьянам Юго-Восточной Азии, и во Франции этот примат, по его мнению, являлся пришлой формой. В этом отношении он расходился с Сент-Илером, считавшим, что плиопитек представлял собою форму, развившуюся под влиянием местных климатических условий. Здесь сказалось явное предпочтение, которое молодой Дарвин отдавал зоогеографическим моментам в истории и взаимодействии фаун в противовес прямому влиянию среды, которое он, как известно, признал в широких пределах только в последние годы жизни.

¹⁷ The Life and Letters of Charles Darwin/Ed. by his son Darwin Francis. V. II. L., 1888, p. 5—10. Русский перевод см. в кн.: Дарвин Ч. Соч. Т. 3. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1939, с. 75—78, 763—765.

¹⁸ Некрасов А. Д. Работа Чарлза Дарвина над «Происхождением видов» и рост его эволюционных идей.— В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 3, с. 27—30.

¹⁹ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов.— Соч., т. 9, с. 90—127, 384—398, см. также примеч. 17. В дальнейшем все ссылки на «Записную книжку» 1837—1838 гг. даются по этому изданию.

²⁰ Соболев С. Л. Эволюционная концепция Ч. Дарвина в период до его ознакомления с сочинением Мальтуса..., с. 643—658; его же. Автобиографические материалы Чарлза Дарвина, с. XXX—XLVI; его же. Эволюционная концепция Чарлза Дарвина на первых этапах ее формирования, с. 22—31.

Интерес к ископаемым формам, которые могли бы пролить свет на происхождение человека, находит подтверждение и в других высказываниях Дарвина. Он уже отчетливо сознавал связь человека с животным миром и его родство с высшими млекопитающими, ясно понимал, что происхождение человека — не результат творческого акта, а длительный и постепенный процесс. Это прямо отражено в неоконченной записи: «Прогрессивное развитие дает окончательное основание для допущения громадных периодов времени, предшествовавших появлению человека. Трудно человеку, учитывая свою мощь, расширение области своего обитания, свой разум и будущность, быть непредубежденным в отношении самого себя, однако в настоящее время это кажется общим местом»²¹. Еще более ясно идея животного происхождения человека выражена в следующей формулировке: «По всеобщему мнению, душа дана нам свыше, животные не получили ее, они не предвидят будущего. Если мы позволим себе увлечься догадками, то животные — наши собратья по боли, болезни, смерти, страданию и чувству голода, наши рабы в выполнении самых тяжелых работ, наши товарищи в забавах, — могут вместе с нами происходить от одного общего предка, все мы можем быть связаны воедино»²².

В то же время Дарвину с самого начала были ясны те трудности, которые встают перед каждым, кто попытался бы защищать животное происхождение человека. Одну из основных он видел в почти полной невозможности обнаружения переходных форм. Истоки этой мысли, по-видимому, можно отнести ко времени не позже 1837—1838 гг., когда Дарвином уже отмечались факты равных разрывов в палеонтологической летописи и отсутствие промежуточных форм между многими ископаемыми видами. Таким образом, Дарвин не только понимал малую вероятность находок прямых предков человека, что в общем нашло себе подтверждение в дальнейшей истории палеонтологии человека, но и указывал на причины этого, заключавшиеся в последствиях малой технической вооруженности первобытного человечества, узости ареала и редкости населения.

Нам представляется чрезвычайно важным то обстоятельство, что Дарвин с самого начала нашел правильное соотношение между случайностью и закономерностью в понимании происхождения человека, понял причинный характер этого процесса, обусловленность его законами эволюции. Мысль о детерминированности изменений предков человека на протяжении геологической истории несколько раз повторяется в его записях. Так, он писал: «Рыба никогда не могла стать человеком. — Нет необходимости в новом акте творения»²³. Здесь мы находим ясное осознание того обстоятельства, что появление человека зависело от определенных предпосылок и оказалось возможным только после достижения его предками высокого уровня морфологической организации.

Некоторые страницы в «Записной книжке» 1837—1838 гг. интересны для нас в том отношении, что они отражают интерес Дарвина к эмбриологическим фактам буквально с самого начала его размышлений о происхождении человека. Известно, какое место они занимают в первой главе его труда «Происхождение человека и половой отбор». Очевидно, Дарвин начал накапливать их сразу же как только стал собирать данные об изменчивости видов. К сожалению, пока трудно представить себе, из каких сочинений он черпал в те годы эмбриологические материалы. Но совершенно несомненно, что эти материалы глубоко им прорабатывались. Иначе трудно понять, каким образом возникла у него не очень, правда, ясно выраженная мысль о повторении филогенетического развития в онтогенезе, в которой, по мнению С. Л. Соболя, можно видеть предварение формулировки биогенетиче-

²¹ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов, с. 98—99. Последнее слово не дописано Дарвином. С. Л. Соболев прочитал только три буквы «cli». Полагаем, что речь идет о слове «cliche».

²² Там же, с. 123.

²³ Там же, с. 122.

ского закона²⁴. Действие этого закона Дарвин распространяет и на человека. К этому же времени относится приблизительно и возникновение у Дарвина интереса к рудиментарным органам человека, также занимающим не последнее место в позднейшей аргументации генетической связи человека с высшими млекопитающими.

Наконец, на страницах «Записной книжки» мы находим и такой аргумент в защиту животного происхождения человеческого рода, как исключительное могущество человека, позволяющее ему пренебречь тем обстоятельством, что он находится в родстве с животным миром. Это аргумент скорее эмоционального, чем логического свойства. Именно его более чем через 20 лет использовал Т. Гексли во время знаменитого диспута в Оксфорде и затем повторил его в своей книге «О положении человека в природе». Дарвин выразил эту мысль в величественных и прекрасных словах: «Против моей теории не будут возражать те философы, которые поднялись выше гордости дикаря, — они сознают превосходство человека над животными, не прибегая при этом к таким средствам, как гордость»²⁵.

Непосредственное отношение к проблеме происхождения человека имеет вопрос о видовом единстве человека и таксономическом ранге расовых различий, которому Дарвин уделил большое внимание. Сложность этой проблемы отчетливо осознавалась Дарвином, и, может быть, поэтому в его записях нельзя найти определенного заключения. Так, он указывает на четкое различие между отдельными племенами Огненной Земли и рассматривает этот факт как доказательство того, что различия между ними зашли достаточно далеко и препятствуют смешению. В том же отрывке аналогичное заключение делается по отношению к представителям негроидной и европеоидной рас. Таким образом, основным аргументом в пользу видового значения расовых различий человека считается малый масштаб скрещиваний между представителями разных расовых типов и возвращение к исходным типам при скрещивании, свидетельствующее, по мнению Дарвина, о далеко зашедших физиологических различиях типов, принимающих участие в смешении.

Широкий взгляд на проблему расообразования у человека позволил Дарвину использовать для ее рассмотрения данные о домашних животных. Он высказывает предположение о том, что подобно расам домашних животных расы человека могут обнаруживать сильную изменчивость вследствие длительного внутривидового смешения в условиях относительной изоляции. По-видимому, обширные материалы об изменчивости домашних животных и послужили Дарвину тем предостережением, которое не позволило ему утвердиться в мысли о видовом многообразии современного человечества. Вполне определенное заявление на одной из последних страниц «Записной книжки», отрицающее более ранние высказывания о видовом характере различий между неграми и европейцами, только что упоминавшееся, относится не только к человеку, но и к домашним животным: «Так как у человека не было еще времени, чтобы образовать хорошие виды, то вместе с ним их не могли образовать еще его домашние животные!»²⁶. Закономерным выводом из этого является и допущение неограниченного смешения между расами. Таким образом, при размышлении о расообразовании у человека и сравнении этого процесса с видообразованием у животных Дарвин уже в молодые годы проявлял широту подхода к предмету и умение комбинировать самые разнообразные, на первый взгляд даже не относящиеся к нему факты. Это дало ему возможность уже в 1837—

²⁴ Соболев С. Л. Примечания к «Первой записной книжке о трансмутации видов». — В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 9, с. 390.

²⁵ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов, с. 125.

²⁶ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов, с. 124. Разумеется, сам Дарвин не несет ни малейшей ответственности за перенесение на человека биологических законов, относящихся только к животным, что имело место у ряда его последователей, в частности у Э. Геккеля.

1838 г. найти правильное соотношение между известным тогда фактическим материалом в области антропогенеза и построенными на нем гипотезами.

Факторы расообразования, хотя и были уже в ту пору в поле зрения Дарвина, но не привлекали еще его пристального внимания и упоминаются в «Записной книжке» только один раз. Он не настаивает на непременно адаптивном характере расовых различий, но и не отрицает его, допуская, что расы представляют собою географические вариации, возникшие под влиянием условий среды, в первую очередь климата. То обстоятельство, что Дарвин понимал значение географической среды в расообразовании, явствует, как нам представляется, из другого замечания, в котором констатируется распад первоначальной расовой общности на отдельные расовые варианты при первоначальном заселении человеком какой-либо обширной области. Но в целом Дарвин еще не имел в период заполнения рассматриваемой записной книжки оригинальных взглядов на эту важнейшую проблему расоведения и морфологии человека.

Дарвина уже в те годы очень занимал вопрос о вымирании большей части рождающегося потомства и о влиянии темпов вымираний на динамику расообразования. Вопрос этот разбирается им и на примере человека с помощью предположения о том, что на темпы размножения оказывает влияние целый ряд самых разнообразных причин, вплоть до «несчастных случаев». Та же цепь многообразных причин воздействует и на быстроту размножения у животных, исключая из этого процесса огромное количество форм. Из этих рассуждений видно, что явление, на которое, по собственным словам Дарвина, обратила его внимание книга Т. Мальтуса, было известно ему самому еще до ознакомления с нею. Поэтому мы присоединяемся к мнению С. Л. Соболя, убедительно доказавшего, что роль книги Мальтуса в построении эволюционной теории преувеличена и что она была бы создана, даже если бы Дарвин и не прочитал этой книги²⁷.

Значительное место в «Записной книжке» занимают высказывания об особенностях и формировании человеческой психики. Позже, как мы знаем, эта проблема глубоко захватила Дарвина в связи с изучением выразительных движений, и ей посвящено немало страниц в книге о выражении эмоций у человека и животных. Но в 1837—1838 г. Дарвина привлекают лишь общие вопросы — роль психического фактора в эволюции человека, передача по наследству психических качеств, отличия психики человека от психики животных и т. д. Некоторые из его высказываний вступают в противоречие с уже разобранными формулировками, свидетельствуя о том, что мысли Дарвина по многим частным проблемам эволюции еще не отлились в устойчивую форму. В качестве примера можно указать на исключительно интересное высказывание на первых страницах «Записной книжки» о качественном своеобразии эволюции человека по сравнению с эволюцией животных, выражающееся в том, что она осуществляется в сфере психики. Дарвин пишет: «Каждый вид изменяется. Он должен прогрессировать. Человек улучшает свои представления»²⁸. Эти слова можно поставить эпиграфом к любой современной работе, посвященной эволюции человека.

По вопросу о наследственности по крайней мере некоторых из основных особенностей человеческой психики Дарвин как будто бы занимает отрицательную позицию. Но в то же время он не исключает этого полностью и даже допускает их значительное влияние на процессы размножения. Правда, позиция эта высказана им в крайне осторожной форме и напоминает скорее вопрос, адресованный самому себе. Одна-

²⁷ Соболев С. Л. Эволюционная концепция Ч. Дарвина в период до его ознакомления с сочинением Мальтуса, с. 643—658; *его же*. Эволюционная концепция Чарльза Дарвина на первых этапах ее формирования, с. 28—31; *его же*. Автобиографические материалы Чарльза Дарвина, с. XXX, XLVI.

²⁸ Дарвин Ч. Первая записная книжка о трансмутации видов, с. 94.

ко из его слов, как бы осторожны они ни были, все же можно сделать вывод о том, что отрицательное отношение к концепции Ламарка, которое выражено в «Происхождении видов» и некоторых позднейших письмах Дарвина, установилось у него не сразу.

Замечательные по своей гневной силе страницы из «Дневника изысканий» и «Путевого дневника», направленные против рабства, могут быть дополнены любопытной записью в «Записной книжке», демонстрирующей критическое отношение Дарвина к почти повсеместно распространенной в его время даже в научной литературе идее о психической неравноценности рас: «Животных, которых мы сделали нашими рабами, мы не любим считать равными себе. — Не стремятся ли рабовладельцы доказать, что у негров умственные способности иные, чем у белых»²⁹. Из этих слов видно, что Дарвин не только является противником расистских измышлений о превосходстве белых над неграми, но и совершенно отчетливо представляет себе истоки их возникновения, поднимаясь до понимания их классового характера.

Итак, анализ содержания «Первой записной книжки о трансмутации видов» убеждает в том, что в 1837—1838 гг., т. е. тогда, когда, по собственным словам Дарвина, он только «начал собирать» факты, относящиеся к происхождению человека, ему на самом деле были ясны многие аспекты разработки этой проблемы. Очевидно, что в период составления «Первой записной книжки» Дарвин уже распространил свои эволюционные представления на человека и включил его в орбиту воздействия тех закономерностей, к формулировке которых он подходил в эти годы. Фактически в ней мы находим зачатки почти всех основных мыслей, развернутых позже в стройную систему его учения о происхождении человека. Связь человека с животным миром иллюстрируется рассмотрением единственного известного тогда ископаемого примата. Отмечается малая вероятность находки непосредственного прямого предка человека. Высказывается убеждение в существовании единого центра выделения человека из животного мира (моногенизм) и детерминированном характере человеческой эволюции. Из эмбриологических данных используются рудиментарные органы и проводится параллель между онтогенетическим и филогенетическим развитием (биогенетический закон?). Обсуждается вопрос о расах человека и видах животных, а также факторы расообразования и наследственность расовых признаков. На примере человека демонстрируется значение вымирания как фактора эволюции. Развитие человеческой психики увязывается с морфологическими аспектами проблемы антропогенеза, что находит выражение в отчетливой констатации различия в характере эволюционных изменений у человека по сравнению с аналогичным процессом у животных (животные — преимущественно морфологическая эволюция, человек — преимущественно эволюция психики). Но при этом недооценивается специфика человеческой психики и качественное своеобразие человека, что не было преодолено Дарвином и в дальнейшем. Таким образом, в «Первой записной книжке» охвачен огромный круг тем, практически почти исчерпывающий содержание будущей книги о происхождении человека. Исключение составляет лишь половой отбор, идея которого, по-видимому, возникла у Дарвина несколько позже³⁰.

IV

Значение очерков 1842 и 1844 гг. для понимания истории формирования взглядов Дарвина на процесс антропогенеза много меньше, чем его «Первой записной книжки о трансмутации видов». По-видимому, в 40-х годах Дарвин был полностью захвачен оформлением и аргументацией своих идей по общим вопросам эволюционной теории, сведенным

²⁹ Там же, с. 122.

³⁰ Об этом см.: Некрасов А. Д. Очерк истории проблемы полового отбора от Дарвина до наших дней. — В кн.: Дарвин Ч. Соч., т. 3, с. 77—78.

и разработкой колоссального фактического материала из всех разделов биологической науки, который он мобилизовал в подтверждение своей теории. Естественно, что происхождение человека при всем своем мировоззренческом значении было для него частной проблемой эволюционного учения, сравнительно мало связанной с другими его разделами. Кроме того, он, как это с полной очевидностью явствует из многих его позднейших высказываний, отчетливо понимал, какой вред при новизне и оригинальности развиваемых им идей может принести их распространение и обсуждение животного происхождения человека. Все эти обстоятельства, по всей вероятности, отвлекали Дарвина от этой проблемы и отодвинули ее на задний план. Во всяком случае, в обоих очерках 1842 и 1844 гг. она не затрагивается в таком объеме, в каком она освещена в «Записной книжке» 1837—1838 гг. Все же ей посвящено несколько, правда, беглых высказываний, на которых следует остановиться.

«Очерк 1842 года», как известно, написан вчерне и содержит большое количество сокращений и едва намеченных мыслей, внесенных в него скорее для памяти и совершенно неразвернутых³¹. Однако обстоятельный анализ его содержания, произведенный А. Д. Некрасовым, показал, что он включает изложение практически всей совокупности взглядов Дарвина и что в нем, пожалуй, оказался непредставленным только принцип «расхождения признаков»³². Дарвин пишет о необходимости перенести закономерность геометрической прогрессии размножения, отмеченную Мальтусом, на размножение животных и растений, о преимущественном рождении мальчиков по сравнению с девочками, что является предпосылкой действия полового отбора, о гомологиях в строении руки человека и передней конечности некоторых млекопитающих, о передаче по наследству некоторых болезней, о значении рудиментарных органов человека и других животных для построения естественной генеалогической системы животного мира и включения в нее человека. Однако все это не отдельные отрывки с законченным изложением мыслей и подробной аргументацией, даже не абзацы, посвященные тому или иному вопросу, а чаще всего просто отдельные фразы, кратко намечающие постановку проблемы.

До публикации «Первой записной книжки о трансмутации видов» они были единственными свидетельствами взглядов Дарвина на человека в самом конце 30-х — начале 40-х годов и широты его интересов в области антропогенеза. В настоящее время, когда мы получили возможность ознакомиться с драгоценными записями Дарвина 1837—1838 гг., эти свидетельства в значительной степени утратили свое значение. Исключение составляет, пожалуй, только содержащееся в добавлении к «Очерку 1842 года» замечание о трудностях, с которыми встречается эволюционная теория. Одна из них — «трудность в вопросе, как белые и негры изменились от общего промежуточного порядка: нет фактов»³³. Эта цитата показывает, как пристально Дарвин продолжал размышлять над изменчивостью у человека, с каким упорством высказывал на первый взгляд не поддающиеся объяснению с точки зрения его теории факты.

Расширенный «Очерк 1844 года» в общем повторяет «Очерк 1842 года», хотя и значительно полнее его по изложению фактического материала³⁴. Основные положения развиваются в целом на базе тех примеров, которые содержались и в «Очерке 1842 года», но со значи-

³¹ Darwin Ch. The Essays of 1842.— In: The Foundations of the Origin of Species. Two Essays written in 1842 and 1844 by Charles Darwin/Ed. by his Son Darwin Francis. Cambridge, 1909, p. 1—53; Дарвин Ч. Очерк 1842 года.— Соч., т. 3, с. 81—112, 765—773.

³² Некрасов А. Д. Работа Чарлза Дарвина над «Происхождением видов» и рост его эволюционных идей, с. 30—40.

³³ Дарвин Ч. Очерк 1842 года, с. 111.

³⁴ Darwin Ch. The Essay of 1844. In: The Foundation of the Origin of Species, p. 55—255 Дарвин Ч. Очерк 1844 года.— Соч., т. 3, с. 115—230.

тельными дополнениями, которые и обусловили несравненно более обширный объем «Очерка 1844 года». Местами приводимые примеры заменены более удачными и убедительными. В отношении человека определенный интерес представляют высказывания, посвященные численности некоторых первобытных народов как свидетельству перехода к вымиранию, что ставится в связь с аналогичным явлением в мире животных, географии некоторых видов и родов современных обезьян и использованию данных об их распространении для характеристики местных фаун, наконец, опять необходимости перенесения тезиса Мальтуса о темпах прироста у человека на органический мир. Обращает на себя внимание также мысль Дарвина о передаче по наследству выразительных движений. «Манеры и даже привычные жесты, — пишет он, — которые являются, может быть, только особыми манерами, наследуются и обнаруживаются, согласно У. Гёнтеру и моему отцу, даже в тех случаях, когда дети теряют своих родителей в раннем возрасте. Каждому известна наследственность выражения лица, которое часто обнаруживает тончайшие оттенки характера»³⁵. Эта мысль нашла подтверждение и через 28 лет в труде о выражении эмоций у человека и животных. Таким образом, можно, по-видимому, утверждать, что Дарвин в конце 30-х — начале 40-х годов не только начал делать первые наблюдения над выразительными движениями, как он сам написал в «Воспоминаниях», но и пришел в этой области к некоторым обобщениям, которые вошли в его позднейшее сочинение.

Таковы итоги рассмотрения страниц очерков 1842 и 1844 гг., посвященных человеку. Из них видно, что до публикации «Первой записной книжки о трансмутации видов» мы не знали важнейших мыслей Дарвина в области происхождения человека и что в очерках 1842 и 1844 гг. обсуждение этой проблемы не производилось Дарвином не потому, что эта проблема была ему неясна или недостаточно им разработана, а по-видимому, сознательно, в силу тех затруднений, которые ее анализ принес бы эволюционному учению. Известную роль сыграло, по всей вероятности, также обилие собранного Дарвином фактического материала и желание в первую очередь как можно полнее разработать наиболее важные стороны своей теории — естественный отбор, общие закономерности наследственности и изменчивости. Таким образом, в самом конце 30-х — начале 40-х годов, в двадцатилетие, предшествующее появлению «Происхождения видов», интенсивность разработки Дарвином вопроса о происхождении человека, очевидно, ослабела. Правда, самый знаменитый труд Дарвина, несмотря на единственную содержащуюся в нем фразу, затрагивающую эту проблему, оказал огромное влияние на общественную мысль и в этой области благодаря внутренней логике развернутой в нем концепции, но сам Дарвин, за исключением единичных высказываний в письмах, хранил молчание о самом жгучем пункте своей теории.

Все сказанное позволяет выделить три периода в формировании взглядов Дарвина на происхождение человека в период подготовки эволюционной теории. Первый период — кругосветное путешествие, когда Дарвин имел возможность наблюдать многие первобытные племена в естественной обстановке их обитания, период, который обогатил его большим запасом знаний о вариациях признаков у представителей разных человеческих рас, о сходстве и различиях их между собой, заронил мысль о связи географической среды с расселением человеческих рас и факторами расообразования. Второй период — от возвращения в Англию до конца 30-х годов, когда создание основ эволюционной теории властно приковывает внимание Дарвина к человеку, заставляет включить его в сферу действия закономерностей развития органического мира, когда оформляется идея животного происхождения человека и разрабатывается обстоятельный план ее аргументации. Третий период — от начала 40-х годов до выхода в свет «Происхождения видов»,

³⁵ Дарвин Ч. Очерк 1844 года, с. 150.

когда необходимость обработки необъятного фактического материала, собранного Дарвином, под углом зрения важнейших аспектов эволюционного учения — естественного отбора, наследственности и изменчивости — отодвинула проблему происхождения человека на второй план.

Л. А. Тульцева

**О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ
АСПЕКТАХ РАЗВИТИЯ ОБРЯДОВО-ПРАЗДНИЧНОЙ
КУЛЬТУРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ**

Обрядово-праздничная культура современных народов, как никогда прежде, подвержена процессам обновления, трансформации и модификации, особенно структурные составные этого комплекса. Как известно, наиболее интенсивными и в корне преобразующими жизнь людей эти процессы стали после Великой Октябрьской социалистической революции. Тем не менее в республиках Средней Азии комплекс патриархальных традиций еще долгое время составлял значительный слой в обрядово-праздничной культуре. В связи с этим в поле зрения советских этнографов всегда находились вопросы, связанные с выявлением роли традиционно-национального в современной культуре и развитием собственно советских социалистических традиций.

Процессы и закономерности развития традиционно-национальных элементов в культуре определяются многими социально-этническими факторами. Среди них узловую роль играют социально-психологические установки, религиозные обычаи, обряды и праздники, этика взаимоотношений между людьми, фольклорные формы культуры. Функционирование всех перечисленных выше структур на новом уровне продолжается и в советское время, поскольку традиционно-нормативный пласт культуры составляет часть обыденных, бытовых отношений людей, общественное сознание которых перестраивается значительно медленнее общественных отношений в целом. Поэтому процессы трансформации и модификации старых обрядово-праздничных форм культуры в направлении развития их демократического прогрессивного содержания порой наталкиваются (особенно в семейно-бытовой сфере) на противодействие архаичных, изживших себя и противоречащих социалистическому образу жизни патриархально-байских пережитков, коренящихся в обывательском мнении некоторой части людей. В Среднеазиатско-Казахстанском регионе такими пережитками являются обычаи *суннат*, *никох*, *джаназа*, *кайтарма*, трансформированные формы затворничества женщин и т. д.

В процессе строительства социалистического общества, в условиях, когда церковь отделена от государства и школа от церкви, когда каждый гражданин получил возможность свободно выражать свои взгляды на религию, произошел коренной перелом в отношении народа к религии и церкви, положивший начало развитию массового атеизма. Отход трудящихся от религии, как и изживание разнообразных патриархальных обычаев, у разных народов шли разными темпами. Например в Российской Федерации принятые декреты Советской власти «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (декабрь 1917 г.), «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (январь 1918 г.) способствовали реальному воплощению в жизнь новых норм семейно-брачных отношений. Распространение записи актов гражданского состояния практически уже в первые годы Советской власти положило начало таким безрелигиозным обрядам, как «звездины», «октябрины», «красные свадьбы», «красные похороны». В районах тра-